СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1975

И. В. КОРМУШИН

К ОСНОВНЫМ ПОНЯТИЯМ ТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПАЛЕОГРАФИИ

В июле 1892 г., почти за полтора года до дешифровки В. Томсеном (в конце 1893 г.) рунообразного письма на каменных стелах из Монголии и Сибири, В. В. Радлов в «Предисловии» к 1-му выпуску «Атласа древностей Монголии» сделал несколько замечаний о характере письменности и типе языка монгольско-сибирских надписей на основании составленного им «указателя слов... в алфавитном порядке». Характер письма В. В. Радлов оценивал так: «... знаки, наверное, силлабические, но употребляются и для обозначения начинающего слог согласного звука». Что касается языка, то «...язык этот урало-алтайский, который терпит только грамматические наращения в конце слова»[1].

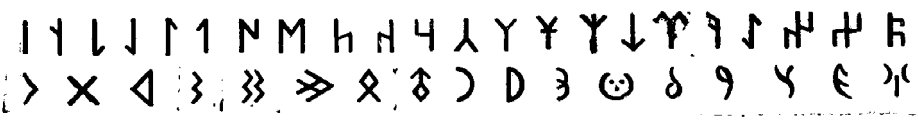
Вероятно, в то время В. В. Радлов уже был уверен, что язык надписей не просто «урало-алтайский», но и более определенно — тюркский. После открытия Н. М. Ядринцевым в 1889 г. больших орхонских памятников китайские части надписей позволили заключить, что письмо это принадлежит ту-кюэ, которых многие ученые почти без колебаний считали тюрками, причем китайские надписи датировали и время составления памятников: 30-е гг. VIII в. Вот почему В. В. Радлов сразу же решительно обращается к изучению и дешифровке этого письма. В 1891 г. он лично отправляется в экспедицию для снятия эстампажей с орхонских стел и поисков новых памятников. Всю зиму 1891—1892 гг. идет напряженная работа по подготовке к изданию эстампажей, фотографий, рисунков и чертежей Орхонской экспедиции, и в июле 1892 г. выходит 1-й выпуск «Атласа древностей Монголии». Судя по уже цитированному «Предисловию», В. В. Радлов надеялся в недалеком будущем завершить дешифровку орхоно-енисейского письма. К осени 1893 г. он «... одновременно с Томсеном самостоятельно открыл 11 букв енисейско-орхонского алфавита, состоящего всего из 38 знаков...»[2]. И все же удача и счастье великого открытия были на стороне В. Томсена. Ему принадлежит, по-видимому, решающая догадка о двух рядах знаков для большинства согласных фонем (см. ниже, раздел II), благодаря чему преодолевался феномен «количества знаков»: слишком большое количество букв для пофонемного письма (ср.: на 23 фонемы — 38 знаков, причем на 15 согласных — 31 знак) и слишком малое для слогового.

---

[1] *В. В. Радлов.* Атлас древностей Монголии. Вып. I. СПб., 1892, *б/нумерации стр.* [стр. 1—2].

[2] *А. Н. Самойлович.* Вильгельм Томсен как турколог. — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отд. РГО», т. XV, вып. 1, 1912, стр. 18—19.

Кроме определения типа языка, в том же «Предисловии» к «Атласу» В. В. Радлов по существу продемонстрировал графемологические основы построения знаков рунического письма, расположив «39[3] букв тукюэского алфавита» в следующим порядке:

При подобном расположении букв становится ясно, что если не все, то большая часть их составляет группы сходных между собой знаков, различающихся характером и расположением одних и тех же графических элементов, ср., например, различие первых шести букв, заключающееся в присоединении к вертикальной черте в разных местах и в разных направлениях косой маленькой черточки, или же отличие последних девяти графем, содержащих овалы, от остальных букв, состоящих из прямолинейных элементов.

Всего год с небольшим отделяют эти проницательные замечания В. В. Радлова от окончательного раскрытия тайны орхоно-енисейского письма. Понадобилось лишь несколько лет после декабря 1893 г., чтобы были прочитаны открытые к тому времени памятники: 1894 г. — памятники в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, 1895 г. — большинство енисейских надписей, 1899 г. — открытый в 1897 г. памятник в честь Тоньюкука. Впоследствии тюркология обогатилась новыми руническими памятниками, расширилась их география, уточнялись лингвистические основы чтения и интерпретации текстов. В науку был введен большой исторический и собственно языковой материал. И с самого возникновения рунологических исследований было ясно, что письменные памятники, создававшиеся около тысячи лет назад на обширных пространствах Центральной Азии и Южной Сибири, содержат в себе различия и языковые, и собственно графические.

Однако палеографическая сторона изучения рунических памятников не получила в тюркологии должного развития. Исследователи сосредоточили свое внимание лишь на двух проблемах: происхождении орхоно-енисейского письма, а именно — какой алфавит и когда был положен в основу тюркских рун, и хронологическом соотношении орхонских и енисейских памятников. Классики рунологии — Томсен, Радлов, Мелиоранский и др. — неоднократно высказывались (правда, в основном в общем плане; несколько особняком стоит аргументация Радлова, о чем см. ниже) в пользу большей древности енисейских надписей.

Не решен окончательно и вопрос о происхождении тюркских рун. Большинством признается лишь общее положение о заимствовании или, точнее, изобретении тюрками алфавита на основе одной из разновидностей согдийского письма (по В. А. Лившицу обязательно согдийского курсива[4]), в свою очередь восходящего к семитическому арамейскому письму. В последней по времени работе на эту тему Дж. Клосон высказал гипотезу о том, что для рунического алфавита были взяты за основу иранские алфавиты — согдийский и пехлевийский — с добавлением греческих букв для согласных палатального ряда, а иранские буквы легли в основу знаков для велярных согласных и обоюдорядных (в нашей терминологии, см. об этом ниже) знаков, при этом часть рунических знаков не получила объяснения и помечена автором словом *invented*

[3] На самом деле знаков всего 38. Третий по счету знак был выделен ошибочно.
[4] Статья на эту тему подготавливается к печати.

'изобретен'[5]. На наш взгляд, прояснению деталей и общей достоверности идентификаций рун и их прообразов должно способствовать решение вопроса о том, какие начертания тюркских рун являются самыми ранними, то есть палеографический анализ собственно тюркского материала. Что касается представлений о более древнем характере «енисейского алфавита», то ошибочность этого тезиса в настоящей статье будет обоснована с чисто палеографической стороны, что не предрешает вопроса о правильности или неправильности хронологических построений Л. Р. Кызласова (подробнее об этом ниже) — первого ученого, отвергшего традиционное мнение о более древнем происхождении енисейских надписей по сравнению с орхонскими. Но как бы то ни было, независимо от того, достоверными или недостоверными являются те или иные положения о происхождении рунического алфавита или статуса енисейского дукта, в тюркологии до сих пор не осуществлена палеографическая проработка памятников с установлением изменений графических элементов букв в зависимости от времени и места применения алфавита, не дана классификация подобных изменений в виде датирующих графических примет. Поэтому мы вынуждены констатировать фактическое отсутствие тюркской рунической палеографии. Давно назрела необходимость сформулировать основные понятия графемологического анализа тюркского рунического алфавита и на этой базе подойти к постановке и решению палеографической проблематики орхоно-енисейской письменности.

I. Топология тюркского рунического алфавита и номенклатура его графических элементов

Основные и дополнительные графы. Основными графическими элементами графем или основными графами[6] целесообразно признать такие начертательные элементы, которые хотя бы в одном случае самостоятельно образуют графему. Дополнительные графы ни в одном случае самостоятельно не образуют графем; они участвуют в образовании графемы либо с каким-нибудь основным графом, либо в комбинации с самим собой или же другим дополнительным графом.

Согласно данному определению три графических элемента в тюркском руническом алфавите попадают в разряд основных графов.

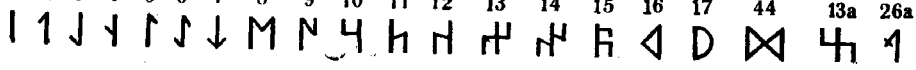
1. Ствол — «полновысотная», то есть равная высоте строки прямая вертикальная черта; без каких-либо других элементов ствол образует или является руной s[2], а в сочетании с другими (основными и до-

[5] *G. Clauson.* The origin of the Turkish «runic» alphabet. — «Acta orientalia», XXXII, Copenhagen, 1970, стр. 71 и табл. V.

[6] Термин «граф», по словам А. А. Реформатского, «удачно найден Р. А. Кроссландом» (см.: *А. А. Реформатский.* О перекодировании и трансформации коммуникативных систем. — В сб.: «Исследования по структурной типологии». М., 1963, стр. 212). В развитие этого понятия мы подразделяем графы на основные и дополнительные, принимая за отдельные, самостоятельные графы линии сходного типа, устойчиво отличающиеся по величине, причем за единицу принимается высота строки, ср. ниже: граф ствол (= высоте строки) — древко (=от 3/4 до 2/3 ствола) — полуствол — острийко (=1/3 ствола) и т. п. Согласно А. А. Реформатскому «весь состав буквенных знаков русского алфавита в его печатном обличии... можно свести к двум основным графам, видоизменения и комбинации которых могут выявить весь ассортимент буквенных знаков русской графики. Эти графы: „овал" (О) и „палка" (I)» (там же). Полагаем, что если признать «видоизменения» особыми графами, количество их даже для рубленной гарнитуры, анализируемой А. А. Реформатским (шрифта, близкого по типу линий к тюркским рунам), будет не менее семи: палка *(или у нас:* ствол) — древко — полуствол — седий (стежок) — овал (в буквах О, Ю) — полуовал (в буквах С, Э) — полукружие (в буквах Б, В, Р и др.), а также, возможно, наклонный увеличенный ствол (в буквах А, И, Л, Х и др.).

полнительными) графами он участвует в образовании еще шестнадцати рунических знаков[7]:

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 44 13а 26а

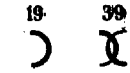

2. К р у г — окружность, диаметр которой обычно равен половине высоты строки; в ряде памятников, в частности, как раз в «образцовых» КТ и БК[8], знак для лигатуры NT имеет основным графом н е с о м к н у т ы й круг (№ 18а); иногда для букв под №№ 18б, 40а, 43а употребляется о в а л, вытянутый в горизонтальном направлении, но и в случае несомкнутого круга, и в случае овала нет необходимости вводить особые графы, поскольку оба эти признака — перерыв в окружности и эллипсоидность — иррелевантны в данном случае для графемы и являются лишь палеографическими особенностями:

18 18а 18б 21а 40а 43 43а

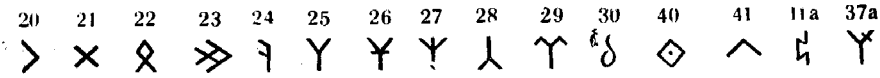
3. Д у г а — кривая линия, высота (хорда) которой равна высоте строки, но воображаемый диаметр этой кривой обычно превышает высоту строки, то есть граф «дуга» меньше полуокружности: 19 39 (а также в № 17).

Помимо трех основных, можно выделить еще десять дополнительных графов, из них только первые три (графы 4, 5 и 6) имеют высокую частотность применения.

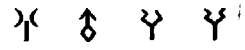
4. Д р е в к о — укороченная, равная приблизительно от 3/4 до 2/3 высоты строки, прямая черта; древко может занимать вертикальное и наклонное положения и участвует в образовании двенадцати рун:

20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 40 41 11а 37а

(а также в №№ 16, 44, 21а).

5. П о л у с т в о л — прямая черта, равная половине высоты строки (и половине графа «ствол»), может занимать вертикальное и наклонное положения, участвует в образовании девяти рун: 31 32 37б 37в

(а также в №№ 10, 11, 12, 13, 14, 15, 24).

6. О с т р и й к о — короткая, меньше полуствола, то есть равная приблизительно около 1/3 высоты строки, прямая черта, занимает, за редким исключением, наклонное положение, участвует в образовании восемнадцати рун: 34 33 (а также в №№ 2—9, 22, 24—29, 32, 11а, 26а, 37а, 37б).

[7] Номера от 1 до 38 имеют знаки алфавита орхонских (кошо-цайдамских) памятников, чей дукт принимается за исходный для описания; номера с 39 по 44 имеют знаки, встречающиеся, помимо основных букв алфавита, в енисейских, таласских и других памятниках, и не входят в число знаков, образованных с участием того или иного графа; знаки с дополнительными обозначениями при номерах буквами «а», «б» и «в» являются либо видоизменениями, либо совершенно иными по строению, но функционально соответствующими знакам с теми же номерами без буквенного грифа, и в указанный счет знаков также не входят.

[8] Условные сокращенные обозначения (сиглы) памятников те же, что и в ДТС («Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. XXI и сл.). Другие обозначения оговариваются особо.

7. Стежок — короткая прямая линия, несколько меньшая, чем острийко, равная приблизительно 1/4 высоты строки, может занимать любое положение — горизонтальное, вертикальное, наклонное, участвует в образовании двух рун: №№ 15, 26, а также №№ 11а, 37а, б, в, 43, 43а.

8. Скоба — кривая линия, по высоте (длине хорды) почти равна высоте строки; кривизна меньше, чем у графа «дуга», кроме того, скоба не всегда является линией правильной (равномерной) кривизны, то есть частью окружности, в таких случаях это — ломаная линия, составленная из линий разной кривизны: 35 36

9. Змейка — кривая линия с двумя центрами обычно неодинаковой кривизны, расположенными с разных сторон от линии буквы, по высоте равна высоте строки: 37

10. Полудужие — небольшая дуга, высотой (длиной хорды) приблизительно около половины высоты строки: 38 (а также в № 31).

11. Дужка — короткая кривая линия, высота (длина хорды) которой равна примерно 1/4 высоты строки, встречается в №№ 30, 35, 36, 37; радиус кривизны и величина дужки в указанных рунах неодинаковы.

12. Точка — встречается в рунах №№ 18 и 40 во всех их модификациях в виде троеточия и точки; в виде двоеточия, поставленного по вертикали, является словоделителем.

13. Кружок — окружность небольшого диаметра, равная приблизительно 1/3—1/4 высоты строки; данный граф выделяется лишь по одной енисейской руне для согласного /m/; в ряде памятников кружки выписываются несомкнутыми: 42 42а

Классы и типы линий. Из двух классов линий — прямых и кривых — в тюркском руническом алфавите в основном используются прямые; достаточно сказать, что 29 графем (свыше 75%) 38-значного орхонского алфавита составлены исключительно из различных графов класса прямых линий. Кроме того, еще в трех рунах наряду с кривыми в образовании графемы участвуют прямые линии, и только шесть графем построены полностью из кривых различного рода.

По положению относительно оси координат целесообразно различать три типа линий: вертикальные, горизонтальные и наклонные, соответственно — вертикаль, горизонталь, диагональ. Причем такая классификация применима не только к прямым, но и к кривым линиям, если учитывать лишь общее их направление.

Преобладающим типом линий являются вертикали. В двадцати шести рунах графы: ствол (в рунах №№ 1—17), древко (№№ 24—30), полуствол (№№ 31, 32) — занимают вертикальное положение. Прямолинейный граф в вертикальном положении будем называть штамбом, а руны, содержащие штамб, — штамбовыми. В перечисленных рунах, помимо прямолинейных графов, почти все криволинейные графы, а именно: дуга (в №№ 17, 19), скоба (в №№ 35, 36), змейка (в № 37), полудужие (в №№ 31, 38) располагаются, или пишутся, по вертикали, сверху вниз.

Конструктивные приемы. Сходства и различия в конфигурациях графем. Описанные выше графы сочетаются в графемах тремя способами

или приемами: сочленение, перекрещивание, соположение. Сочленение двух или трех прямолинейных графов под углом друг к другу происходит в одной точке; если же один из двух или оба графа криволинейны, то сочленение возможно в двух точках (руны №№ 17 и 35); сочленение прямолинейных графов в одной точке под углом друг к другу является наиболее употребительным конструктивным приемом в рассматриваемом алфавите (около 85% всех сочетаний графов). Перекрещивание, как и сочленение, возможно в одной точке (руны №№ 21—23, 26, 38), а также в двух точках (руна № 39, не входящая, впрочем, в статистику 38-значного алфавита). Соположение без касания графов друг к другу находим в рунах №№ 18, 31, 37.

По-видимому, всякий отработанный алфавит имеет сравнительно небольшой набор доведенных до стандарта элементов. Так как способы сочетания ограниченного числа элементов в свою очередь не беспредельны, неизбежно применение сходных и одинаковых конфигураций в различном функционально-фонетическом назначении. В тюркском руническом алфавите — возможно, это универсальный прием — тождественные по конфигурации графемы, использованные в качестве разных знаков, отличаются: а) одним-двумя дополнительными элементами, не затрагивающими конфигурацию в целом; б) зеркальным или перевернутым положением на плоскости. Наряду с тождественными широко используются сходные конфигурации. Можно сказать, что большинство графем составляют группы тождественных и сходных по конфигурации рунических знаков, тогда как рун с сугубо «индивидуальной» конфигурацией значительно меньше. Следует отметить, что тождественные конфигурации не используются для разных графем, если они отличаются только размерами очерчивающих их элементов. Рунический алфавит применяет совершенно различные конфигурации для наборов разных по величине черт, а одинаковые схемы построения создает только на базе идентичных по величине элементов. Объяснение этого явления, свойственного, на наш взгляд, не только тюркскому руническому алфавиту, можно усмотреть, по-видимому, в следующем. При практически малой высоте строки весьма трудно различить графы, разница между которыми составляет лишь небольшую часть этой величины (напомним, что соотношение, например, прямолинейных графов: ствол — древко — полуствол — острийко — стежок составляет 1: 3/4—2/3:1/2:1/3:1/4).

Ниже рассматриваются пять групп рунических знаков, в каждой из которых графемы имеют тождественные или сходные конфигурации.

А. Острийково-ствольные. Руны №№ 2—8 содержат острийко при полном штамбе. Только один раз в № 4 для η острийко присоединяется к средней части ствола, а в остальных графемах — к вершине или основанию штамба. Другое конструктивное сходство графем в этой группе состоит в том, что острийко всегда направлено внутрь строки: при вершине — вниз, при основании — вверх. Принцип зеркальности в конфигурации можно отметить для Р и Ī (№ 2 и № 5) — они зеркально противоположны по вертикальной оси, проведенной через ствол; для Р и I^1 (№ 2 и № 3) — они зеркальны по горизонтальной оси, проведенной через половину высоты строки. Остальные графемы не имеют зеркальных антиподов, и это вполне оправдано, иначе данный конструктивный прием был бы «перегружен». Знак № 8 можно рассматривать как составной из знаков для Р (№ 2) и Ī (№ 5). Угол соединения острийка со стволом — приствольный угол — одинаков для всех рун данной группы в одном и том же памятнике и является почерковой, а возможно, и палеографической особенностью.

Б. Острийково-древковые, или рогатиновые. В рунах №№ 25—28 от конца неполного штамба — древка симметрично в разные стороны отходят два острийка, образуя вместе со штамбом фигуру рогатины. От конца штамба, отстоящего от края строки (другой конец штамба вровень с противоположным краем строки), острийки направлены наружу, к границе строки, в этом отличие данной группы от предыдущей, где острийки идут внутрь строки. Зеркальными относительно горизонтальной оси являются знаки для l^2 (№ 25) и для C (№ 28). Графемы под №№ 26, 27, 37а образованы от основного знака данной группы № 25 присоединением заведомо дополнительной черточки — графа стежок — в разных частях знака. Объектом палеографических наблюдений в рунах этой группы являются угол между острийками и место присоединения стежка. К данной группе примыкает и знак для r^2 (№ 29), у которого явно можно вычленить рогатину с присоединенными по бокам еще двумя острийками, однако углы между острийками и длина штамба у этого знака часто отличны от таких же показателей знаков для l и C, поэтому палеографически графема № 29 стоит в рассматриваемой группе несколько особняком.

В. Острийково-волновые. Четыре острийка, составленные под углом друг к другу, следующие один после другого по направлению сверху вниз, образуют фигуру, условно называемую волной. Две параллельные волны служат знаком для d^1 (№ 34), одна — является знаком-лигатурой для комплекса согласных N и C (№ 33). В этих рунах варьируются углы между острийками, возникают скругления внутри верхней и нижней пары острийков; волны в руне d^2 в некоторых памятниках состоят не из четырех, а из трех элементов. Аналогичную фигуру волны образуют острийки в руне № 29 r^2, но в r^2 никогда не наблюдается изменений, присущих рунам d^1 и $\overset{\frown}{NC}$.

Г. Крестовинные. Руны №№ 21—23 обнаруживают определенное сходство в конфигурации благодаря фигуре крестовина, образованной двумя скрещенными древками. Помимо прочих изменений, часто весьма важных (раздел IV), в крестовинных меняются углы скрещения, что может служить почерковой и палеографической приметой.

Д. Коленные. Руны данной группы — №№ 9—15 — одни из наиболее важных в палеографическом отношении. Коленом мы называем фигуру, составленную из двух прямых под углом друг к другу и присоединенную под углом к третьей прямой, в данном случае — к стволу. Четыре руны №№ 9—12 отличаются друг от друга в основном положением колена: влево или вправо от штамба, вверх или вниз направлена коленная вертикаль; здесь исчерпывается возможное количество графем с одним коленом, отличающихся одна от другой положением колена относительно штамба. Знаки №№ 13—14 обладают двумя разнонаправленными и расположенными по обе стороны от штамба коленами. В № 15 также два колена, находящихся справа от штамба и ориентированных в одну сторону — вниз.

Коленные руны весьма изменчивы и потому несут большую палеографическую информацию. Изменению подвергаются почти все элементы и их геометрия: величина коленной вертикали и горизонтали (диагонали), углы приствольный и коленный, наклон штамба в № 13, расположение колен в №№ 13 и 14, деформация и преобразование колен в петли в № 15.

Среди остальных рун, не вошедших в перечисленные группы, не наблюдается сходства конфигураций графем в целом, хотя в нескольких

рунах можно обнаружить единообразный конструктивный прием, заключающийся в том, что те или иные графы, которые могут быть в разных графемах различными, сочленяясь или перекрещиваясь между собой, образуют замкнутые со всех сторон участки пространства. Если один из замыкающих графов — криволинейный, то подобную конфигурацию можно назвать петлей (в №№ 17, 30, 35), причем в № 30 — несомкнутая петля. Прямолинейные графы замыкают собой ячейку (в №№ 16, 22, 23, 32).

II. Отражение звуковой стороны языка в руническом алфавите

Наиболее характерной особенностью рунического алфавита является наличие в нем пар знаков для большинства согласных фонем. Каждый знак такой пары употреблялся в зависимости от принадлежности гласных фонем слова к палатальному или велярному рядам. В уйгурском и арабском алфавитах, использовавшихся тюрками позднее, последовательно обозначались разными знаками лишь палатальный и велярный варианты /k/, в арабском еще и /g/, в старотурецком, кроме того, в течение некоторого времени и отнюдь не последовательно применялись разные графемы для вариантов /t/ и /s/. В руническом алфавите последовательно — за немногими исключениями, возникшими, вероятно, в силу неясных пока фонетических и фономорфологических причин, — употребляются одиннадцать пар знаков для следующих одиннадцати согласных фонем:

/b/ ᛒ - ᛒ, /g/ ᚴ - ᚵ, /d/ ᛑ - ᛑ, /j/ ᛃ - ᛃ, /k/ ᚲ - ᛕ, /k/[9] ᛏ - ᚼ,
/l/ ᛚ - ᛦ, /n/ ᚾ - ᚿ, /r/ ᚱ - ᛉ, /s/ ᛋ - ᛁ, /t/ ᛐ - ᚺ.

Перечисленные знаки назовем раздельнорядными.

Восемь рунических знаков для согласных фонем, из них две руны-лигатуры[10], обозначают звукосочетания и употребляются независимо от состава гласных. Такие знаки назовем обоюдорядными:

ᛣ /č/, ᛙ /m/, ᛝ /n+č/, ᛜ /n+t/, ᛩ /ŋ/,

ᛇ /p/, ᛥ /š/, ᛎ /z/

Следующие четыре знака определим как однорядные, поскольку они употребляются в словах с гласными либо только палатального, либо только велярного гармонических рядов, и не имеют графемы-«антипода» в противоположном для себя ряду: ᛩ /č/ — в палатальном ряду, ᛄ /j/, ᛗ /l+t/, ᛩ /q/ — в велярном ряду.

Наличие в руническом алфавите пар знаков у большинства согласных объясняется «экономией средств» для передачи гласных. Четыре знака передают здесь, как принято считать, восемь гласных фонем, и

---

[9] Обе следующие графемы для позиционных вариантов /k/ перед и после губных гласных.

[10] Лигатурой называется не только буква, образованная соединением двух букв в одну, но и «один письменный знак, передающий сочетание букв» (*О. С. Ахманова.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 217).

каждый знак, таким образом, имеет два значения: /a/ и /ä/, /ï/ и /i/, /o/ и /u/, /ö/ и /ü/. Первые два знака относятся, следовательно, к обоюдорядным, а третий и четвертый образуют соотносительную пару раздельнорядных рун.

Знаки и объединяют каждый по две гласные фонемы, принадлежащие двум рядам, противостоящим друг другу по гармонии гласных: задние a, ï, передние ä, i. Подобное объединение в передаче гласных ориентировано на употребление двух рядов знаков для согласных, благодаря чему в контексте слóва неясность значения рунических знаков и устранялась. Однако при передаче губных описанный принцип явно нарушается: следовало бы ожидать объединения в одном знаке *о* с *ö*, а *и* с *ü*, но не *о* с *и*, *ö* с *ü*, как имеет место в действительности.

Указанные особенности в передаче тюркской звуковой системы в руническом алфавите можно объяснить только тем, что создатели этого алфавита находились под влиянием письменности (системы письма) и языка (звуковой системы) народа, у которого они заимствовали идею (принципы) письма и, вероятно, с соответствующими изменениями, алфавит. Во-первых, был сохранен принцип консонантно-звукового письма[11], в котором писались только или преимущественно согласные. Как известно, такой принцип письма перешел во многие письменности из семитских языков, для звуковой системы которых характерен богатый консонантизм при бедном вокализме. Если «угадывание» гласных при малом их числе довольно несложно, то при богатом тюркском вокализме чтение текста с пропущенными гласными представляло бы значительные трудности. Принцип наличия в алфавите большого числа согласных был трансформирован на тюркской почве в принцип различения почти у всех согласных палатального и велярного позиционного варианта фонемы. Благодаря этому число угадываемых (в случае пропуска) гласных сократилось вдвое: с восьми до четырех, приблизившись к обычному для консонантно-звукового типа письма числу.

Следует заметить, что наличие особых графем для вариантов согласных фонем действительно несколько расширяет алфавит, что позволяет, как уже было сказано выше, применять консонантное письмо, в целом более экономное[12] (текст занимает меньше места), чем последовательно вокализованное письмо.

Вторая особенность, унаследованная, по нашему мнению, тюркским руническим письмом от его прототипа, касается упоминавшихся различий в системе подачи огубленных и неогубленных. По-видимому, вокальная система языка, употреблявшего алфавит — прообраз (ЯУАП), состояла по крайней мере из четырех гласных. То, что в ЯУАП было не менее четырех гласных, можно предположить исходя из наличия четырех графем в руническом алфавите, тогда как арабский язык, имевший три гласных — a, i, u, не считая долгих, обозначавшихся позиционно-ком-

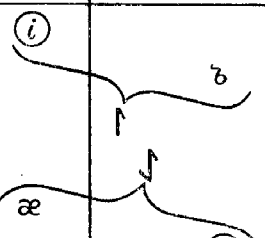
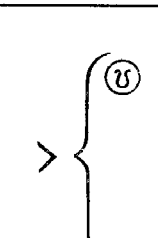
[11] *В. А. Истрин.* Возникновение и развитие письма. М., 1965, стр. 258 и сл.

[12] Ср. иное понимание этого вопроса у И. Н. Кобешавидзе (*И. Н. Кобешавидзе.* К характеристике графики и фонемного состава языка орхоно-енисейских надписей. — «Советская тюркология», 1972, № 2, стр. 42).

бинаторно, — передал три графемы тюркско-арабскому письму, где все тюркские огубленные — o, ö, u, ü — передавались одним знаком. Вокализм ЯУАП представляется вполне вероятным восстановить в следующем виде: передние i — ö [œ][13], задние a — u, поскольку расстояния между гласными в такой системе наибольшие. Различение тюркских *o* и *u* (а также *ö* и *ü*), отсутствовавшее в ЯУАП, не стали проводить и в руническом алфавите, но противопоставление переднего и заднего огубленного (resp. передних и задних огубленных), бывшее фонематичным для ЯУАП, закрепили в особых рунах. Сказанное поясним таблицей.

Таблица 1

Реконструкция рунического вокализма и вокализма ЯУАП[14]

Ступень подъема	Передние		Задние	
	Огубленные	Неогубленные	Неогубленные	Огубленные
1				
2				
3				
4				
5				
6				

Как можно видеть из таблицы, система гласных ЯУАП является фонетически оптимальной, однако возможно, что это всего лишь фрагмент системы; реконструкция в таком случае наиболее предпочтительна, хотя опирается она, как уже указывалось, только на противоречия в принципах передачи гласных в руническом письме. С другой стороны, переход от реминисценции по поводу неизвестного нам языка, возможно, передавшего с какими-то модификациями свой алфавит древним тюркам, к более или менее точной реконструкции вокализма этого языка позволяет не только понять истоки столь загадочного в своем противоречии принципа передачи гласных в руническом письме, но и попытаться доказать или оправдать справедливость положения о наличии в языке, принявшем данное письмо, классического восьмифонемного тюркского вокализма.

III. Принципы передачи орхоно-енисейского письма: транскрипция и транслитерация

Готовя к выпуску в свет первое издание орхонских надписей, В. В. Радлов «приказал изготовить точно по форме отпечатков [оригинального написания] литеры» рунического алфавита[15]. При воспроизведении оригинала он ограничился тем, что текст памятников был набран

[13] Здесь и далее в квадратных скобках даются фонетические значения фонем или звукотипы.

[14] Системы фонем приводятся в фонетической записи: для ü=y, ö=œ, ä=æ, ï=ъ, u= ; фонемы ЯУАП обведены кружками; против фигурных скобок стоят рунические знаки, передающие соответствующие пары фонем; горизонтальное и вертикальное положения скобок наглядно показывают противоположный характер объединения пар фонем для передачи огубленных и неогубленных.

[15] *W. Radloff.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. СПб., 1894—1895, стр. 1, примеч. 2.

стандартизованными литерами типографского шрифта, поскольку незадолго до этого вышел в свет упоминавшийся выше «Атлас древностей Монголии», где тексты были представлены фотографиями с эстампажей надписей. Помимо набора рунами, тюркский текст памятника у В. В. Радлова приводился дважды: в транслитерации латинскими буквами, а затем в транскрипции (так называемая «радловская транскрипция» на основе кириллицы) с разбивкой на слова и с добавлением гласных, пропущенных в соответствии с принципами рунической орфографии.

В изданиях С. Е. Малова тюркский текст воспроизводился всегда набором и лишь изредка иллюстрировался фотографиями памятников или эстампажей; текст приводился в радловской транскрипции, минуя стадию транслитерации. Такая подача надписей объясняется общим стремлением С. Е. Малова дать в своих книгах специалистам сводку текстов памятников, пригодных для первого этапа их изучения. Понятно, что подобное упрощенное издание может только предварять последующее многоцелевое научное издание, на принципах и практике подготовки которого нам хотелось бы остановиться здесь несколько подробнее.

Научное издание призвано предоставить тюркологам, в первую очередь лингвистам, полноценный текстовой материал для самостоятельной работы над ним, с учетом различных аспектов языка. Для этого в научном издании памятника наглядное и экономное отражение результатов лингвистической обработки текста должно сочетаться со столь же наглядной и точной подачей подлинника, лишь минимально палеографически препарированного, что необходимо для сравнения подлинного текста с его интерпретацией. Принцип наглядного отстояния подлинника и интерпретации В. В. Радлов осуществлял следующим образом: каждое слово транскрипции писалось непосредственно под транслитерацией этого же слова. Однако способ этот несколько громоздок. В настоящее время аналогичный эффект достигается интегрированием обеих записей в одну в системе транскрипционно-транслитерационной передачи древних текстов, исторически сложившейся в тюркологии и названной А. Габен «интерпретирующей транскрипцией»[16]. На наш взгляд, ее правильнее все же называть «интерпретирующей транслитерацией», то есть транслитерацией с частичной фонематической интерпретацией[17]. Техника подобной интегрированной записи и особенности ее деталей состоят в следующем.

1. Особо выделяются (впервые это ввел В. Томсен) вставляемые гласные, пропущенные в соответствии с консонантным характером рунического письма. Это достигается либо поднятием над строкой литеры меньшего кегля, либо заключением гласного в скобки, например: $q^a\gamma^an$ или q(a)γ(a)n.

2. Велярный и палатальный ряды вариантов согласных фонем начиная с В. Томсена традиционно обозначаются поднятыми над строкой цифрами меньшего кегля 1 и 2. Целесообразно сохранять в транслитерации, как это делал С. Е. Малов, указание на ряд согласных в случаях совмещения знаков обоих рядов в одном слове, а также в некоторых других случаях, когда может возникнуть неясное представление об оригинальном написании.

[16] *A. Gabain.* Türkische Turfantexte. X. — «Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», 1958, № 1, стр. 8.

[17] См. подробнее об этом у нас совместно с В. М. Наделяевым во Введении к ДТС, стр. XIII—XIV.

3. Указание на полифонность знаков. В связи с тем, что руническое письмо основано на принципе двух рядов знаков для палатальных и велярных вариантов согласных фонем, благодаря чему особым образом строится и передача вокализма (см. об этом выше), полифонными приходится считать не только знаки для гласных, но и обоюдорядные руны для согласных, передающие одним знаком и палатальный и велярный варианты фонем, выделяя такие знаки в транслитерации прописными литерами: C, M, ŋ, P, S, Z и лигатуры $\overset{\smile}{\text{NC}}$, $\overset{\smile}{\text{NT}}$.

Знаки для огубленных гласных полифонны в другом отношении, чем знаки для неогубленных (см. выше), поэтому гласные передаются разными способами: неогубленные — прописными литерами A, Ä, I, Ï; в огубленных не различается подъем гласных, но различается ряд, поэтому целесообразно избрать для них знак $\mathfrak{V}$, служащий в фонетической транскрипции для передачи гласного промежуточного между o и u подъема, отмечая ряд гласных умляутом, то есть имея для o и u= $\mathfrak{v}$ ' для ö и ü= $\ddot{\mathfrak{v}}$.

Вставленный при интерпретации негубной гласный оказывается между согласными, определяющими его характер и лишающими его тем самым полифонии, поэтому указание на полифонность гласного оказывается лишним; только в редких случаях слов, где согласные принадлежат к числу передаваемых обоюдорядными знаками и нет аффиксальных наращений, снимающих возникающую (лишь в чтении) полифонию, непоказательность вставляемого гласного отмечается дуктом прописной литеры, ср.: $\text{C}^{\text{a}}\text{Pt}^{\text{i}}\text{M}$ и $\text{C}^{\text{A}}\text{P}$ (то есть первое слово благодаря одному лишь t^{1} читается все по твердому ряду, тогда как второе не ясно, может быть $\text{C}^{\text{a}}\text{P}$, а может быть $\text{C}^{\bar{\text{a}}}\text{P}$.

4. Указание на текстовую и интерпретационную разбивку на слова. Интерпретационная разбивка — обычный пробел между словами; текстовая разбивка пробелом — одна вертикальная черта, текстовая разбивка знаком «:» в транслитерации заменяется двумя вертикальными чертами.

IV. Исторические изменения рунических букв и основные датирующие приметы орхоно-енисейского письма

Начала палеографии всякой письменности складываются, как известно, на основе наблюдений за изменениями в начертаниях букв в разных по времени датированных памятниках[18]. Устанавливаются некоторые характерные для определенного периода начертания графем — обычно характеристичные изменения претерпевают далеко не все буквы алфавита, — и стойкая для данного времени начертательная особенность выступает уже как датирующая примета. Некоторая совокупность обоснованно полученных датирующих примет и является палеографическим основанием для приблизительной (с той или иной точностью) датировки прочих недатированных памятников. Палеография стремится учитывать, кроме временны́х, и локальные особенности в написаниях букв, поскольку, во-первых, могут встретиться сугубо местные начертания или отдельные начертательные особенности каких-то букв и, во-вторых, одно и то же графическое изменение может произойти не одновременно в разных частях ареала данной письменности.

[18] *В. Н. Щепкин.* Русская палеография. М., 1967, стр. 13—14.

Тюркская рунология располагает всего лишь несколькими твердо датированными памятниками: это КТ 732 г. и БК 735 г. — первая веха для палеографических наблюдений; вторая веха отстоит от первой приблизительно на четверть столетия — это МЧ, около 759 г.; третья веха — палеографические особенности нескольких осколков Кара-Балгасунского памятника (КБл), около 822 г. (по Л. Р. Кызласову)[19]; в качестве четвертой контрольной вехи избрана Суджинская стела (С), не имеющая, правда, даты в тексте, но, судя по содержанию, установленная в первом двадцатилетии после разгрома уйгуров, то есть в 840—860 гг. Необходимо учитывать, что вехи эти разнородны локально (правда, не всегда в буквальном смысле — по месту установки), поскольку указанные памятники принадлежат различным противоборствовавшим, хотя и родственным племенам: памятники «первой вехи» относятся к тюркамтугю, второй и третьей — уйгурам, четвертой — киргизам. Однако при решении палеографических задач в первом приближении это обстоятельство может временно не учитываться.

Ряд важных памятников хотя и не датирован точно, но примыкает по времени создания к тем или иным указанным выше, что явствует из их содержания. Это прежде всего один из самых ценных памятников — Тон, составленный, по нашему мнению[20], между 712 и 716 гг. Онгинский памятник (О) по новой датировке относится не к концу VII в., как полагали раньше, а к 731 г.[21], памятник Кули-чуру — к 721 г. Эти точные даты тем не менее отнюдь не являются бесспорными. Единственно достоверно лишь то, что памятники Тон, О, КЧ без сомнения примыкают по времени создания и относятся по содержанию к кругу памятников КТ и БК.

Турфанские рукописные фрагменты, изданные А. Лекоком и В. Томсеном, относятся, вероятнее всего, ко времени после переселения уйгуров с Орхона и Селенги в Турфанский оазис (после 840 г.)[22] и примыкают палеографически к КБл. Таким образом, база наблюдений несколько расширяется, хотя все же количество и достоверность датировок для IX в. и особенно — позднее совершенно не удовлетворительны для решения палеографических задач. В этой связи заслуживает всяческого внимания опыт датирования енисейских памятников Л. Р. Кызласовым[23], причем для палеографа важен не столько общий вывод о том, что «типологический анализ тамговых знаков... позволяет датировать все основное количество памятников енисейской письменности... второй половиной IX и X веком», сколько возможность расположить в хронологической последовательности хотя бы некоторые памятники. В целом упозд-

---

[19] Первые научные датировки были более ранними: между 785 г. и 805 г. (Цзун-лиямынь), после 795 г. (В. П. Васильев), см.: «Сборник трудов Орхонской экспедиции», т. III. СПб., 1897, стр. 27.

[20] Это мнение основано на соображениях текстологического характера, рассмотреть которые в настоящей статье не представляется возможным. Традиционно Тон датируют временем Бильге-кагана. См. подробнее о датировках: *С. Г. Кляшторный.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 76.

[21] *G. Clauson.* The Ongin Inscription. — JRAS, 1957, стр. 191—192.

[22] Ср., например, мнение Дж. Клосона о том, что Irq bitig написана скорее в IX в., чем в VIII или X вв., см. его Notes on the «Irk Bitig». — UAJb, XXXIII, 3—4, 1961, стр. 218. Ср. также приводимое ниже примеч. 24.

[23] См.: *Л. Р. Кызласов.* Новая датировка памятников енисейской письменности. — «Советская археология», 1960, № 3, стр. 93—120; *его же.* О датировке памятников енисейской письменности. — «Советская археология», 1965, № 3, стр. 38—49.

нение енисейки, предложенное Л. Р. Кызласовым[24], подтверждается теперь со всей очевидностью и палеографически, и, таким образом, эти памятники относятся к четвертому, намеченному нами этапу развития тюркского рунического алфавита (с возможным впоследствии подразделением на более дробные периоды).

Итак, рассмотрим наиболее характеристичные изменения в написаниях целого ряда рунических знаков, руководствуясь указанными выше хронологическими представлениями, и установим основные датирующие приметы орхоно-енисейского письма (см. текст и табл. 2 на стр. 42).

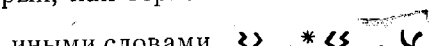
1. Начертание t^1 с ромбом в основании и со штамбовым соединением ромба и шапочки (два прямолинейных графа, в данном случае — острийки, сочлененные под углом друг к другу) представлено в КТ и БК. Во всех остальных памятниках этого круга вместо ромба выписывается петля, несколько вытянутая по вертикали. Такое написание, по-видимому, является исходным, тогда как превращение кривых линий в прямые, как и в ряде других случаев (см. пункты 3, 4), может выглядеть как сугубо кошо-цайдамское нововведение; в случае t^1 кошо-цайдамское написание с точки зрения палеографии приходится рассматривать как ответвление, не имевшее продолжения. Наиболее старое начертание этой буквы сохранено, вероятно, в О — с сомкнутой петлей и несимметричной верхней частью, то есть наряду с симметричным написанием верхних черт в виде шапочки: . В Тон, хотя он, как уже говорилось, возможно, старше О на 10—15 лет, наряду с написаниями t^1 в виде есть такое же написание с несомкнутой петлей. Дальнейшее развитие графемы связано именно с этой деталью. В МЧ разрыв в петле увеличивается, а в ряде случаев не выбит штамб, то есть представлены варианты и . В КБл и турфанских рукописях t^1 пишется только без штамба: . Именно эта последняя модификация и послужила прототипом для енисейского прямолинейного написания t^1 в виде двух шапочек, расположенных одна над другой, причем каждая состоит из двух древков (№ 32а), — написание, господствующее начиная с С: .

Одна эта примета — написание t^1 в виде — надежно отделяет все енисейские и таласские памятники как памятники не старше середины IX в. от монгольских[25]: Тон, КТ, БК, О, КЧ, ИА, Чйр[26], написанных до начала IX в. Однако данная примета согласуется и с другими нижеописываемыми приметами.

[24] За более позднее датирование ряда рунических памятников высказался недавно Г. Дёрфер. Так, он не считает возможным относить енисейские и таласские памятники к V в. н. э.; Irk bitig датирует XI в., см. его рец. на кн.: А. С. Аманжолов. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969. — «Orientalische Literaturzeitung», 1973, 7/8, стр. 38.

[25] Здесь и далее монгольский употребляется только в географическом смысле: найденный на территории Монголии.

[26] Чойрэнская надпись, недавно вновь изданная С. Г. Кляшторным со значительными уточнениями. См.: *С. Г. Кляшторный.* Руническая надпись из Восточной Гоби. — «Studia Turcica». Budapest, 1971, стр. 249—258; ср.: *С. Е. Малов.* Новые памятники с турецкими рунами. — «Язык и мышление», т. VI—VII. Л., 1936, стр. 251—259.

2. Начертание s^1 в КТ, БК, О, возможно, следует рассматривать, во-первых, как курсивное и, во-вторых, как зеркальное по отношению к начертанию, встречающемуся в Тон, иными словами, . По-видимому, таласское s^1 развилось из древнего прямолинейного начертания. Начиная с МЧ и далее в уйгурских и енисейских памятниках для обозначения s^1 выступает знак , который, вероятно, можно рассматривать как упрощенный вариант более раннего прямолинейного написания типа Тон. Расположение перечеркивающего штриха справа, а не слева как будто подтверждает возможность существования упомянутого прототипа: (верхние короткие прямые отброшены справа и слева, вторая короткая прямая справа занимает место перечеркивающего штриха). Существуют написания и со штрихом слева (например, Е6, Е7), как бы соответствующие прототипу в Тон.

Поворот знака вокруг вертикальной оси на 180° (зеркальное отражение) изредка наблюдается в рунических памятниках (для А, d^1, j^1, j^2, $\underset{\smile}{iq}$, n^1, η, $\underset{\smile}{NC}$, см. Е11, Е2, Е41), особенно при бустрофедоне — перемене направления письма от строки к строке. Можно предположить, что это явление имеет место и в соотношении КТ, БК — Тон, что подтверждается ссылкой на зеркальность конфигураций знака для Z: в КТ и БК (правое колено направлено вверх, левое — вниз), в Тон (наоборот, правое колено идет вниз, левое — вверх). Последняя конфигурация является, по-видимому, нормальной, так как она исторически сохранилась в подавляющем большинстве памятников (МЧ, КБл, С и многие Е) и более контрастна к знаку для n^2, тогда как в противном случае отличие n^2 от Z минимально, ср. в КТ, БК: Z, n^2.

Таким образом, вторая датирующая примета — начертание s^1 в виде отделяет памятники моложе второй половины VIII в. (монгольско-уйгурские, енисейские и др.) от более ранних монгольско-тугюйских, датируемых первой половиной VIII в.

3. Начертание с прямоугольными коленами встречается только в КТ, БК; в Тон эта руна представлена в виде штамба с двумя петлями, не сомкнутыми со стволом: . В О петли сомкнуты со стволом, но между ними нет еще общего участка линии, подходящей к стволу, — между петлями есть какое-то минимальное расстояние, и каждая из них самостоятельно доходит до ствола: . В дальнейшем петли пишутся сомкнуто, с общим участком в средней части знака, напоминая русскую букву **В**.

Третья датирующая примета — начертание с петлями — говорит в пользу отнесения подобных памятников, аналогично второй примете, к периоду после середины VIII в., однако тщательные наблюдения над особенностями сочленения петель со штамбом позволяют усматривать более ранние или более поздние написания в самом начале этого изменения.

4. Начертание b^2 без «навеса», то есть без продолжения прямых линий шапочки вниз, дальше места соединения с крестовиной (в КТ и БК), более раннее, чем начертание с навесом, употреблявшееся во всех памятниках, начиная с МЧ. Начертание в Тон и ИА (последний датирован Л. Р. Кызласовым концом VIII в.)[27] с закругленными углами в местах соединения шапочки и крестовины можно рассматривать как курсивное и более раннее по отношению к кошо-цайдамскому. Начиная с МЧ знак для b^2 всегда пишется прямыми линиями, с навесом, причем изменение идет, по всей вероятности, в сторону удлинения линий навеса. Возможно, что знак для b^2 в О является разновидностью более раннего курсивного b^2 типа, встречающегося в Тон и ИА, с полным изменением прямых линий крестовины в кривые линии (дуги) и с последующим их продолжением за точку пересечения в вершине. Во многих енисейских памятниках аналогичный знак — две пересекающие друг друга в двух точках дуги, проведенные из центров справа и слева, — употребляется для гласного *е*. Поскольку раннее курсивное начертание b^2 в енисейских памятниках уже не встречается, эта руна имеет прямолинейное, слегка модифицированное (с навесом) начертание, то знак для *е* возник здесь, очевидно, совершенно самостоятельно.

5—10. Изменения в группе коленосодержащих рун целесообразно рассмотреть сначала в совокупности. Различия в начертаниях здесь сводятся к трем особенностям: а) место прикрепления колена к стволу (середина, близко к середине, вершина или корень штамба); б) углы коленный и приствольный (прямой, тупой, острый); в) величина коленной вертикали (полуствол, больше чем полуствол, меньше чем полуствол).

Для r^1 в памятниках первой группы (КТ, БК, Тон, О) колено отходит от середины ствола, углы прямые, коленная вертикаль равна полуствolу; для q и t^2 колено отходит не от самой середины ствола, а чуть ниже, горизонталь слегка наклонна, угол в колене чуть меньше прямого, приствольный угол, соответственно, чуть больше прямого, коленная вертикаль равна полуствolу; знак для n^2 имеет такие же колена, как q и t^2, за исключением Тон, где колена особые: однонаправленные (либо оба вверх, либо оба вниз), коленные вертикали сильно уменьшены (до стежка), присоединение либо к середине, либо близко к середине ствола; знак для Z в первой группе памятников всегда имеет прямые колена, равные по высоте полуствolу и отходящие от середины; имеет принципиальное отличие; колено у этого знака всегда отходит из вершины, а не из середины (или близко к середине), как у всех прочих коленных, угол в колене острый, коленная вертикаль равна полуствolу или чуть меньше.

На последующем этапе колена у r^1 и становятся идентичными по месту соединения и углам с коленами у знаков t^2, q и n^2, то есть в КБл

---

[27] *Л. Р. Кызласов.* История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 41.

и Турф. все эти руны отличаются лишь направленностью колена. В С имеет острое колено, как в КТ, но остальные три коленных знака одинаковы в указанном смысле.

Наиболее важная палеографическая особенность данной группы рун на стадии енисейской и таласской состоит в том, что конфигурация колена зеркально повторяет конфигурацию колена r^1; зеркально идентичны также колена t^2 и q, однако каждая пара имеет свои особенности. Знак для r^1 деградирует до начертания с коленом, исходящим из вершины и острым по углу, но от раннего позднеенисейское и таласское r^1 отличается сильной укороченностью коленной вертикали, длинной диагональю (бывшая горизонталь) и в связи с этим общей растянутостью колена. Такие же особенности и с теми же переходными стадиями наблюдаются в Е и Т и для . Знаки для q и t^2 в енисейских памятниках не изменяют места прикрепления колена, но укорачивают коленную вертикаль и придают ей несколько наклонное вовне направление. В таласских памятниках у этих рун колено, как и у пары —r^1, отходит от конца штамба, в данном случае от нижнего, но коленная вертикаль вырастает до размера высоты строки, и этим пара q—t^2 резко отличается от пары — r^1.

В знаке для n^2 еще в С, как и во всех более ранних памятниках, колена отходят почти от середины ствола, но в большинстве енисейских и в таласских они отходят уже от концов штамба, причем, например, в Е32 встречаются оба написания. Начертание в Тон знака с коленами, лишенными строгой симметрии и направленными в одну сторону — либо вверх, либо вниз (что свидетельствует о неустоявшемся начертании), с укороченными коленными вертикалями является, вероятно, самым древним.

В знаке для Z во всех памятниках — от КТ до Т — сохраняется единый принцип написания горизонталей правого и левого колена одной линией, перпендикулярно к штамбу, и с прямым углом в колене. Если в КТ и БК, как отмечалось выше, конфигурация идентична, хотя и зеркально противоположна конфигурации n^2, то дальнейшее развитие обоих знаков делает их совершенно непохожими. Начиная с уйгурских, коленные вертикали у Z — сначала правая нижняя, а затем и обе — пишутся как бы курсивно, с закруглением коленного угла и небольшой кривизной коленной вертикали. В ряде Е, в большей или меньшей степени, ствол принимает наклонное положение, а также несколько укорачивается.

11. Начертание М в Тон в виде резко отличается от , встречающегося в КТ и далее во всех енисейских памятниках. Вместо шапочки из двух прямых, составленных под углом друг к другу, выступает одна кривая дугообразная линия, а вместо крестовины из двух прямых, сочленяющейся с шапочкой симметрично в двух точках, к этой дуге (не к центру ее) присоединяется прямая, к середине которой, в свою очередь, подходит под углом еще одна короткая прямая. По сравнению с орхонским подобное написание можно квалифицировать как курсивное и несимметричное. В О начертание М принципиально такое же, как в Тон, но с симметричным расположением всех элементов: . Наиболее важ-

Таблица 2

		Тон 720-е гг	О 730-е гг.	КТ, БК 730-е гг	МЧ 759г.	КБл 822г.	Турф После серед. 1 лв	С 840–860-е гг.	Е После серед. IX в.	Т Не ранее X в.
1	t^1									
2	s									
3	ö̆k									
4	b^2									
5	r^1									
6	ü									
7	q									
8	t^2									
9	n^2									
10	z									
11	M									

ное наблюдение, вытекающее из анализа соотношения описанных трех начертаний, сводится к тому, что начертание в Тон является исходным, тогда как начертание в КТ (путем продолжения короткой прямой до сочленения с дугой и превращением дуги в угольник из двух прямых) и в О (симметризация прямых черт относительно дуги) развилось из него. В ИА встречаются обе буквы, причем чаще выписывается орхонская. По-разному пишется этот знак и в уйгурских памятниках. В МЧ в начертании явственно видны следы написания типа Тон, но тем не менее это уже совершенно новое начертание: здесь все симметрично, к тому же внутреннюю часть знака занимает не крестовина, а дужка с подсоединенными к ней симметрично короткими прямыми стежками; дугообразность главной линии знака (дуга в Тон) сохраняется только в центральной части, а на концах это прямые линии. В КБл встречается написание явно типа КТ, в турфанских рукописях представлены написания типа Тон и типа МЧ. Можно сказать, что различные типы написания данной руны являются свидетельствами как локального, так и временного характера.

Таковы основные датирующие приметы тюркского рунического алфавита. Кроме них, источником для решения проблемы датирования памятников служат особенности написания некоторых других рун, неупотребление тех или иных рун, наконец, использование совершенно новых графем, отсутствующих в 38-значном орхонском алфавите. Эти датирующие приметы, в отличие от основных, не проходят по всем хронологическим группам памятников, и потому их следует считать дополнительными. Рассмотрим и эти приметы.

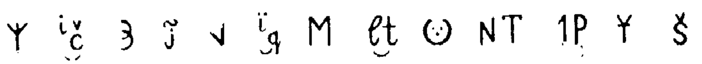
Некоторые руны различаются тем, что в одних памятниках для их начертания использованы кривые линии, в других — соответственно прямые. Это относится прежде всего к знакам для d^1 и $\overset{\smile}{NC}$, где происходит, как уже отмечалось, скругление углов в сочленениях между 1 и 2 и между 3 и 4 острийками сверху, так что в некоторых начертаниях в результате этого, вместо четырех острийков, возникает сочленение двух дужек, например, в Е6 d^1 . На фоне прямолинейного написания этих рун в раннемонгольских памятниках подобная особенность для части енисейских и таласских памятников, безусловно, выглядит как примета более позднего письма. Руна для γ в КТ имеет соположение древка и двух полудужий, а в Тон вместо полудужий выступают прямолинейные древки. Написания с полудужиями характерны для уйгурских, таласских и почти всех енисейских, так что можно думать, что это более поздняя особенность, а в Тон снова мы имеем более старый вариант. В ИА встречаются оба варианта, но в этом памятнике несколько раз сочетаются более старые и более новые написания: как уже отмечалось, для М, для γ, а также для n^2 и Z. Несколько енисейских памятников (Е 3, 5, 6, 7) дают прямолинейное написание, что пока трудно объяснимо, тем более что по ряду других примет они не принадлежат к числу самых древних среди этих памятников.

В случаях d^1, $\overset{\smile}{NC}$ — бесспорно, а в случаях γ — вероятно, написание с применением кривых черт, условно названное нами курсивным, является признаком более поздней графики. Однако, по-видимому, совершенно обратное значение имеет в памятниках КТ и Тон соотношение прямого и курсивного написаний рун, вошедших в число основных датирующих примет.

Таблица 3

Курсивное начертание	Прямое начертание
t^1 Тон, О; далее Е, Т	КТ, БК (боковое развитие)
s^1 КТ, БК, О	Тон
ük Тон О; далее Е, Т	КТ, БК (боковое развитие)
b^2 Тон О (боковое развитие)	КТ, БК Е, Т
М Тон О (боковое развитие)	КТ, БК; далее Е, Т

Представляется, что курсивные начертания Тон знаков t^1, ük, b^2, М являются более ранними, чем соответствующие прямые в КТ и БК. При этом в начертаниях b^2 и М можно наблюдать непрерывное развитие: Тон — КТ — енисейские и таласские (уйгурские в настоящей таблице не учитываются из-за некоторой пестроты картины, о чем говорится в тексте), здесь О дает пример ответвления в развитии. В начертаниях t^1 и ük руническая традиция развивает начертания Тон, а КТ и БК дают боковое развитие. [Наличие в КТ боковых линий развития графем (t^1, ük) наряду с этапными, ключевыми для последующей руники (b^2, М) линиями говорит, на наш взгляд, о том, что не было большого временного разрыва между периодом формирования алфавита и периодом создания самих памятников]. Что касается знака s^1, то начертание его в Тон, возможно, более раннее, хотя это и не согласуется с общей картиной: более старые начертания — курсивные. Окончательно решить вопрос об исходных начертаниях рассматриваемых букв пока не представляется возможным. Если считать во всех случаях дукт данных пяти рун в Тон более древним по сравнению с их дуктом в КТ, то придется признать, что не все знаки первоначально имели курсивное начертание. Это положение как будто подтверждается, кроме дукта s^1, начертанием γ, так как в Тон оно прямое. Если же принять все курсивные формы за более древние, тогда прямолинейные начертания s^1 и γ в Тон следует интерпретировать как локальные инновации.

Одним из вспомогательных приемов палеографического анализа является установление отсутствия тех или иных из перечисляемых ниже рун в алфавите ко времени создания определенных памятников, так как они не употребляются в тех словах, в которых согласно орфографии старших монгольских надписей должны были бы употребляться. Это руны . Обычно они в большинстве своем почти сразу же после старших письменных памятников выходят из употребления. Пожалуй, это и естественно, так как даже в ранних памятниках эти руны, за исключением Р, используются довольно редко: ${}^{i}\check{c}$ встречается в нескольких словах в БК и Тон, но отсутствует в КТ; Š является сугубо кошо-цайдамской инновацией;

NT, j, lt встречаются лишь в немногих словах, ıq несколько более часто. Однако краткость многих последующих текстов наряду с встречаемостью отдельных из указанных рун в тех или иных памятниках более позднего периода заставляет быть осторожным в заключениях об употребительности данных рун и относить эти заключения к разряду скорее симптоматичных, нежели достоверных. Так, например, ıč встречается, помимо Тон и БК, в МЧ, Тойок I (руническая рукописная азбука), E41; lt в старших монгольских, уйгурских, E32 и E41; NT в старших монгольских, уйгурских, E11 и т. п.

К числу датирующих примет рунического письма относится ювенильный слой рунических знаков, то есть совершенно новых, не связанных с преобразованием старых знаков, графем, изобретенных и введенных в алфавит в более позднее время. К ювенильным рунам относятся: e, η^1, $š^2$, m^2, употребляющиеся в енисейских памятниках, а также таласские m^1, $š^1$.

Таков в первом приближении круг датирующих и, отчасти, локальных примет тюркского рунического алфавита. По совокупности особенностей написания целого ряда рун, квалифицируемых как основные и вспомогательные датирующие приметы, каждый недатированный памятник можно отнести к одному из трех периодов: 1) первая половина VIII в.; 2) вторая половина VIII — первая треть IX вв.; 3) не ранее второй половины IX в. Само собой разумеется, что необходимо особенно настойчиво работать над «разукрупнением» последнего этапа, находить дальнейшие датирующие палеографические вехи. Подступы к решению подобной задачи дает уже анализ палеографического материала. Исследуя написание рун, особенности которых составляют основные и вспомогательные датирующие приметы, в частности, написание коленных рун, d^1 и некоторых других, мы можем говорить, в рамках данного периода, о «более поздних» и «более ранних» памятниках. Но поскольку приметы иногда вступают в противоречие друг с другом (в этом для палеографии ничего необычного нет[28]), то окончательное суждение по периодизации письма можно вынести, опираясь на лингвистические критерии: данные сравнительно-исторической грамматики. Палеография не может существовать в отрыве от лингвистики. В этом плане тюркологии необходима тюркская рунология[29] как комплексная дисциплина, соединяющая сравнительно-историческую грамматику, историческую лексикологию и палеографию.

В заключение хотелось бы еще раз остановиться на проблеме датирования енисейских памятников — одной из важнейших для тюркологической науки.

Теперь для нас очевидно, что **все без исключения** енисейские памятники написаны позже первой трети или даже первой половины IX в. Это их общая нижняя граница. Каким же образом в тюркологии установились представления о значительно более раннем времени создания енисейских памятников и архаичности их графики? Первым, кто определенно высказался по этим вопросам, был В. В. Радлов. И сделал он это строго научно, хотя и ошибся. Сегодня мы уже можем выявить истоки его ошибки.

[28] См.: *В. Н. Щепкин.* Указ. раб., стр. 17—18.

[29] См.: *Э. А. Макаев.* Язык древнейших [имеются в виду германоязычные. — *И. К.*] рунических надписей. М., 1965, стр. 5—6.

В. В. Радлов исходил в своих выводах из датировки Онгинского памятника. По текстологической интерпретации того времени выходило, что О написан до правления Бильге-кагана, тогда дата животного цикла, содержащаяся в тексте, приходилась на 692 г. (как мы теперь знаем, это неверно). Таким образом, В. В. Радлов получил опорные палеографические вехи: 692 г. О и 730-е гг. КТ и БК. Анализируя формы некоторых рун в О, В. В. Радлов говорит о более древнем их характере по сравнению с рунами КТ (что действительно верно!) и считает это подтверждением относительной древности О по сравнению с КТ (но соотношение архаичности графики и даты памятника вовсе не однозначно). Далее В. В. Радлов заключает, что буквы О, будучи древнее таковых в КТ, «... как будто являются связующим звеном *(bilden gleichsam Mittelglieder)* между этими последними и буквами енисейских памятников»[30]. Представляется, что именно в этом и заключалась главная натяжка. Как мы видели из табл. 2 и 3 и соответствующего текста, в ряде случаев енисейские памятники продолжают традицию начертаний рун Тон и О, тогда как начертание в КТ стоит несколько особняком. При общей неверной датировке О это приводит к выводу о большей древности Е по сравнению с КТ. Однако в ряде других случаев енисейские начертания становятся объяснимыми только через стадии: от Тон, О к КТ и далее к Е. Здесь уже сказалась недостаточность или даже отсутствие конкретного графемологического анализа. К тому же в то время не был еще найден памятник в честь Тоньюкука. Правда, и этому открытию не суждено было изменить положения дел, поскольку Тон датировался тогда временем после КТ.

Данное построение В. В. Радлова было принято в тюркологии практически всеми учеными. Главенствующим стало положение о том, что великолепный язык, которым написан КТ, не мог возникнуть сразу, не опираясь на длительную письменную традицию. (Но почему именно письменную, а не устную?). Были и другие доводы. Тезис более древней датировки енисеики держался до наших дней, и даже совсем недавно, после появления работы Л. Р. Кызласова, выступившего с решительным пересмотром традиционного мнения, енисейские памятники продолжали относить к VI—VII вв., а таласские — к V в. Такую раннюю датировку давали в свое время руническим надписям А. Н. Бернштам и С. В. Киселев. Разберем в качестве примера всего лишь один, но показательный случай.

В курганах № 2 и № 6 Копёнского чаа-таса (Минусинская котловина) Л. А. Евтюховой и С. В. Киселевым были найдены золотые и серебряные сосуды и блюда. Курганы датировались VII—VIII вв.[31], следовательно, к этому времени должны были быть отнесены и рунические надписи на двух золотых сосудах из кургана № 2 (эта дата в свое время была указана нами во Введении к «Древнетюркскому словарю», см. стр. XXV: E81, E82; кстати, эти же даты как наиболее ранние для енисеики наряду со стелой E32 поддерживает и Л. Р. Кызласов[32]). На основании особенностей начертаний в данных надписях рун t^1 и b^2, формы колен, особенно у , знака для s^1 мы можем теперь отнести их палеографически только к третьему выделенному нами периоду, то есть ко времени не ранее середины IX в. Однако еще раньше нашего заключения

[30] *W. Radloff.* Die Alttürkischen Inschriften.., стр. 245.
[31] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 599—603.
[32] *Л. Р. Кызласов.* Новая датировка..., стр. 94.

Б. И. Маршак проанализировал орнамент на одном из кувшинов кургана № 2 и пришел к выводу, что кувшин имеет дату «около середины или второй половины IX в.»[33].

Таким образом, круг замыкается, и позволительно задаться вопросом: не следует ли пересмотреть датировки и перестроить некоторые исторические концепции не только для Тувы, как это было сделано, но и для Минусинской котловины, Алтая? Может быть, необходимо вернуться и к вопросу о времени проникновения кыргызов в Семиречье и далее на запад, исходя из большей «молодости» таласских памятников, относящихся, по всей видимости, к караханидскому времени? Для лингвистов-историков письма и для историков необходимо проработать версию о центрально-азиатском (монгольском) центре изобретения рунического алфавита и в период, не столь отдаленный от начала VIII в. По-видимому, в данных вопросах были допущены ошибки, которые необходимо исправить во имя дальнейшего развития тюркологической науки*.

[33] *Б. И. Маршак.* Согдийское серебро. М., 1971, стр. 56.

* Автор выражает благодарность Д. М. Насилову, С. Г. Кляшторному, В. А. Лившицу и Б. И. Маршаку за советы по ряду вопросов, затронутых в настоящей статье.